

ции такого составления литературных «изборников» получили быстрое и повсеместное распространение; они могли оказать влияние не только на писцов-составителей, но и на иллюстраторов рукописных книг. Так скорее всего поступил и иллюстратор Киевской псалтири: он, как художник-мозаичист, составляющий изображения из кусков смальты, свободно компоновал, а иногда и добавлял от себя изображения, знакомые ему по греческим и южнославянским Псалтирям. Свободная манера рисунка, широта и своеобразие композиций, а также отдельные случаи несовпадения иллюстраций с текстом свидетельствуют о том, что художник-иллюстратор не копировал оригиналы, но рисовал по памяти, проявляя при этом своеобразную и широкую свою «иконографическую» эрудицию.

Таким образом, вопрос об источниках изображений Киевской псалтири, об их использовании и переработке, отражает проблему многосторонних и разнообразных связей литературы и искусства Древней Руси; он требует специального, очень тщательного и очень нужного исследования. Решать этот вопрос следует не только путем сравнения отдельных иллюстраций греческих и южнославянских Псалтирей XIII—XIV вв. с Киевской, но и с помощью анализа всей системы соотношений текста каждого списка с его иллюстрациями.¹³

Несколько легче будет разобраться не в «предках», а в «потомках» Киевской псалтири; этот вопрос для истории русской книги имеет также немаловажное значение. Здесь налицо достаточное количество материала: Угличская псалтирь 1485 г. (ГПБ, F 1 № 5), считающаяся копией Киевской, хотя это общепризнанное мнение и не совсем верно, и свыше двух десятков так называемых Годуновских псалтирей конца XVII в. В изучении этого материала может помочь опыт литературоведов-текстологов, изучающих различные списки памятников древнерусской письменности, распределяющих их по редакциям и вариантам, устанавливающих архетипы и протографы списков. Для изучения традиции книжной иллюстрации такой прием еще не применялся, и в данном редком случае, когда имеется рукописная традиция не только текста, но и иллюстрации, его можно попробовать применить.

Однако решить все эти и многие другие вопросы, связанные с изучением Киевской псалтири, можно только в случае хорошего факсимильного многокрасочного издания последней. Попытка черно-белого издания этого памятника, предпринятая ОЛДП в 1890 г., но не законченная (в нем нет двух последних тетрадей), не выдерживает критики, и корректурные листы этого издания для работы с иллюстрациями непригодны. Вопрос о новом многоцветном издании Киевской псалтири сейчас уже не может казаться совсем нереальным, после того как были изданы болгарская Псалтирь Томича и книга о грузинской Псалтири XV в.

Киевская псалтирь 1397 г. является слишком важным памятником искусства книги Древней Руси и русского изобразительного искусства, чтобы не поставить вопрос об ее хорошем многоцветном издании. Ведь

¹³ В решении этого вопроса большую помощь окажет книга И. Тикканена, дающая свод изображений греческих, южнославянских и русских средневековых Псалтирей с классификацией их по редакциям (J. J. Tikkanen. Psalterillustration im Mittelalter. Helsingfors, 1895), а также многие другие исследования книжной миниатюры, в том числе иллюстрации Псалтири, особенно недавно вышедшее издание — исследование южнославянской Псалтири Томича (М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV в. М., 1963). Краткий обзор истории изучения иллюстраций древних греческих, а также славянских и русских псалтирей с перечнем основных работ о них имеется в книге Л. А. Шервашидзе «К вопросу о средневековой грузинской светской миниатюре» (Изд. «Медниереба», Тбилиси, 1964, стр. 2—18).